ISSN: 2181-4341, IMPACT FACTOR (RESEARCH BIB) – 9.145, SJIF – 5,431

Рахмонова Рухсора Дилшодовна

Студентка 2 курса Термезского государственого педагогического института

Научный руководитель: Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Обидова Фарангиз Акмаловна

«БОБУРНАМА» — ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация

Статья посвящена многогранному анализу «Бобурнама» — автобиографических записок Захириддина Мухаммада Бабура (1483–1530), написанных на чагатайском языке. Произведение рассматривается как выдающийся исторический источник, отражающий политические события, военные кампании и социокультурную жизнь Центральной Азии, Афганистана и Индии конца XV — начала XVI вв., как уникальный литературный памятник с элементами исповедальной прозы и поэтических вставок, а также как ценный источниковедческий материал для лингвистических, ономастических и этнографических исследований. Особое внимание уделяется откровенности повествования, культурному синтезу тимуридской эпохи и проблемам перевода текста.

Ключевые слова

Захириддин Мухаммад Бабур, Бобурнама, исторический источник, литературный памятник, источниковедение, чагатайский язык, тимуридская эпоха, Империя Великих Моголов, ономастика, автобиография.

Annotatsiya

Maqola Zahiriddin Muhammad Boburning (1483–1530) chig‘atoy tilida yozilgan «Boburnoma» avtobiografik esdaliklari ko‘p qirrali tahliliga bag‘ishlangan. Asar O‘rta Osiyo, Afg‘oniston va Hindistonning XV asr oxiri — XVI asr boshidagi siyosiy voqealari, harbiy yurishlari va ijtimoiy-madaniy hayotini aks ettiruvchi muhim tarixiy manba, shaxsiy iztirob va she’riy qistirmalarga ega o‘ziga xos adabiy yodgorlik hamda lingvistik, onomastik va etnografik tadqiqotlar uchun qimmatli manbashunoslik materiali sifatida ko‘rib chiqiladi. Hikoyaning ochiqligi, temuriylar davri madaniy sinteziga va matn tarjimalaridagi muammolarga alohida e’tibor qaratilgan.

Kalit so‘zlar

Zahiriddin Muhammad Bobur, Boburnoma, tarixiy manba, adabiy yodgorlik, manbashunoslik, chig‘atoy tili, temuriylar davri, Buyuk Mug‘ullar imperiyasi, onomastika, avtobiografiya.

Annotation

The article is devoted to a multifaceted analysis of the “Baburnama” — the autobiographical memoirs of Zahiriddin Muhammad Babur (1483–1530), written in Chagatai (Old Uzbek) language. The work is examined as an outstanding historical source reflecting political events, military campaigns, and socio-cultural life in Central Asia, Afghanistan, and India from the late 15th to the early 16th century; as a unique literary monument featuring elements of confessional prose and poetic insertions; and as valuable source material for linguistic, onomastic, and ethnographic studies. Particular attention is paid to the frankness of the narrative, the cultural synthesis of the Timurid era, and issues related to the translation of the text.

Keywords

Zahiriddin Muhammad Babur, Baburnama, historical source, literary monument, source studies, Chagatai language, Timurid era, Mughal Empire, onomastics, autobiography.

«Бобурнама» — автобиографические записки Захириддина Мухаммада Бабура (1483–1530), написанные на чагатайском (староузбекском) языке, представляют собой уникальный памятник средневековой центральноазиатской культуры. Произведение сочетает в себе черты исторической хроники, литературного повествования и ценного источника для лингвистических и этнографических исследований. В научной литературе «Бобурнама» рассматривается как многоплановый текст, обладающий исключительной ценностью одновременно как исторический документ, как литературный шедевр автобиографического характера и как источниковедческий материал, позволяющий реконструировать политические, социальные и культурные реалии конца XV — начала XVI вв. Анализ переводов и научных интерпретаций подчеркивает значимость произведения для осмысления переходного этапа от тимуридской традиции к могольской государственности

«Бобурнама» начинается без традиционного предисловия:

«В месяц Рамадан года 899 [1494] и в двенадцатый год моей жизни я стал правителем в стране Фергана» [1].

Такое прямое и лаконичное начало сразу вводит читателя в событийный поток жизни Бабура, охватывающий период от его восшествия на престол в Фергане до основания Империи Великих Моголов в Индии. Отсутствие вводных религиозных формул, характерных для восточной историографической традиции, придаёт тексту динамичность и подчеркивает его автобиографическую направленность.

Современные энциклопедические издания определяют «Бобурнама» как мемуарное произведение, сочетающее в себе элементы политической истории, экономики, военного дела, географии и философских размышлений о человеческой природе [2]. Подобная жанровая многослойность выводит текст за рамки простой хроники и превращает его в живое свидетельство эпохи.

Произведение вписывается в традицию императорских автобиографий, однако существенно отличается от более формализованных трудов, таких как «Акбарнама» [3], прежде всего своей степенью откровенности. Бабур не стремится к самовосхвалению, открыто говорит о поражениях, сомнениях и личных слабостях, что является редким явлением для правителей-мемуаристов Востока. Эта черта усиливает степень доверия к источнику, одновременно требуя от исследователя критического отношения к субъективным оценкам автора.

Язык «Бобурнама» характеризуется значительной персианизацией на уровне структуры, морфологии и лексики. В тексте широко представлены персидские поэтические цитаты и устойчивые выражения, однако при этом сохраняется тюркская ясность и динамика повествования [4]. Подобный языковой синтез отражает культурную специфику тимуридской эпохи и делает произведение связующим звеном между персидской и тюркской литературными традициями.

«Бобурнама» является непосредственным (firsthand) свидетельством жизни и деятельности Бабура. В ней подробно описываются утрата и временное возвращение Самарканда, завоевание Кабула и Индии, включая ключевые сражения при Панипате (1526) и Ханве (1527). Особую ценность представляют этнографические и географические описания, включающие сведения о флоре, фауне и социальной организации различных регионов [5].

В тексте встречаются развернутые описания экзотических для Центральной Азии реалий Индии — носорогов, бананов, попугаев, климатических условий и сельскохозяйственных практик. Эти наблюдения делают «Бобурнама» важным источником для реконструкции материальной культуры эпохи. Вместе с тем наличие лакун в рукописной традиции, в частности отсутствие записей за 1508–1519 гг., вынуждает исследователей сопоставлять сведения Бабура с другими источниками, такими как «Тарих-и Рашиди».

Бабур детально освещает социально-политический ландшафт Центральной Азии, Афганистана и Индии, уделяя внимание системе союзов, междинастическому соперничеству и военным стратегиям, включая тактику тулагмы [6]. Хотя акцент на военных успехах типичен для автобиографий правителей, примечательно, что автор не избегает описания поражений и стратегических ошибок, что повышает степень источниковедческой надежности текста. Одновременно следует учитывать субъективность взгляда завоевателя, особенно в характеристике «чужих» народов и культур.

Японский исследователь Эйдзи Мано охарактеризовал «Бобурнама» как «сокровищницу информации» по истории, географии и этнографии конца XV — начала XVI вв. [7]. Данное определение отражает масштаб и насыщенность источника, хотя современная историография подчеркивает необходимость учета династической и идеологической позиции автора.

С литературной точки зрения «Бобурнама» отличается повествованием от первого лица, подробными описаниями военных действий и природных ландшафтов, элементами психологической интроспекции, а также включением собственных поэтических произведений Бабура [8]. Поэтические вставки расширяют художественные возможности текста и придают ему эмоциональную глубину, выходящую за рамки сухого летописания.

В научных исследованиях «Бобурнама» нередко рассматривается как уникальный образец автобиографии в исламской литературе, сопоставимый по степени откровенности и психологизма с «Исповедями» Августина или Жан-Жака Руссо [9]. Однако подобные параллели требуют осторожности, поскольку чрезмерное акцентирование западных аналогий может нивелировать восточный и тюркский культурный контекст произведения.

Особого внимания заслуживает использование Бабуром юмора, иронии и художественных преувеличений, проявляющихся, например, в описаниях шахматной страсти или резких характеристиках противников [10]. Эти элементы придают тексту

живость и индивидуальность, однако в переводах нередко утрачиваются, что снижает эмоциональное и стилистическое воздействие оригинала.

С точки зрения лингвистики и ономастики «Бобурнама» представляет собой исключительно богатый материал. В тексте зафиксированы около тысячи топонимов, более полутора тысяч антропонимов, а также многочисленные гидронимы и этнонимы [11]. Это делает произведение ценным источником для исследований в области исторической географии и топонимики, хотя обилие имен усложняет восприятие текста и требует наличия развернутых справочных аппаратов в современных изданиях.

История переводов «Бобурнама» начинается с фрагментарных публикаций XVIII в., а первые полные переводы связаны с именами Лейдена и Эрскина (1826), А. С. Беверидж (1922) и У. Тэкстона (1996). Исследователи отмечают ряд неточностей в комментариях и интерпретациях, включая ошибки в определении реалий материальной культуры, в частности флоры и фауны [12]. Эти проблемы обусловлены культурной дистанцией переводчиков и подчеркивают необходимость привлечения региональных специалистов.

Оригинальный текст «Бобурнама» дошел до нас в фрагментарном виде; важную роль в его сохранении сыграл персидский перевод, выполненный Абдур-Рахимом в 1589–1590 гг. [12]. Наличие нескольких версий расширяет интерпретационные возможности, но одновременно актуализирует задачу подготовки критического издания на чагатайском языке.

«Бобурнама» остается непревзойденным источником, сочетающим в себе историческую информативность, литературную выразительность и высокую источниковедческую ценность. Несмотря на субъективность автора и текстологические лакуны, произведение позволяет всесторонне осмыслить политические, культурные и ментальные особенности тимуридско-могольской эпохи. Перспективы дальнейших исследований связаны с цифровизацией рукописного наследия, подготовкой критических изданий и расширением проблематики анализа, включая гендерные аспекты и образы женщин в тексте

Список использованной литературы

1. Baburnama // Wikipedia (английская версия). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Baburnama
2. Бабур-наме // Википедия (русская версия). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бабур-наме
3. Dale, Stephen F. Babur: Timurid Prince and Mughal Emperor, 1483–1530. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
4. Baburnama // Wikipedia (английская версия). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Baburnama
5. Бабур-наме // Восточная литература: Средневековые исторические Востока и Запада.URL: https://vostlit.info/Texts/rus7/Babur/framepred.htm
6. 8 удивительных фактов о жизни и творчестве Бабура // Uzbekistan Travel. URL:https://uzbekistan.travel/ru/o/8-udivitelnyh-faktov-o-zhizni-i-tvorchestve-babura/
7. Thackston, Wheeler M. (trans., ed., annot.). The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor. New York: Modern Library, 2002.
8. Thackston, Wheeler M. (trans., ed., annot.). The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor. New York: Modern Library, 2002.
9. Akhmadov, Dostonbek Hasanboy Ogli. HISTORY OF TRANSLATIONS OF «BABURNAMA» INTO EUROPEAN LANGUAGES // European Journal of Humanities and

Educational Advancements. 2023. Vol. 4, No. 11. P. 9–11. URL: https://scholarzest.com/index.php/ejhea/article/view/4041

10. CLASSIFICATION, STRUCTURE AND SEMANTIC ANALYSIS OF PERSONAL NAMES USED IN THE «BOBURNOMA» // International Journal of Artificial Intelligence. 2025. Vol. 1, No. 4. P. 920–924. URL: https://inlibrary.uz/index.php/ijai/article/view/99679

11. Beveridge, Annette Susannah (trans.). The Babur-nama in English (Memoirs of Babur). London: Luzac & Co., 1922.

12. Baburnama // Wikipedia (английская версия). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Baburnama